

«ПРИПОДНИМЕМ ЗАНАВЕС ЗА КРАЕШЕК...»

ВЫСОЦКИЙ ПЕЛ НЕ О ФИНАНСОВОЙ
ПРОВЕРКЕ В БОЛЬШОМ.
А НАМ ПРИХОДИТСЯ

Артисты Большого театра подходили к вывешенным на стене профкома спискам и отходили с открытым ртом. Напротив каждой фамилии значилась сумма, которую им предлагалось уплатить в качестве подоходного налога за гастроли... 1983—1984 годов.

«Что это за старые долги? — спрашивали они друг друга. — И откуда такие суммы?» Предстояло вернуть сотни тысяч рублей, а солистам — до полутора-двух, а то и трех миллионов! О том, что все это произошло после того, как в театре поработали ревизоры из Государственной Думы и Министерства культуры, кажется, никто так и не узнал.

А ведь о проверке финансовой деятельности руководства Большого театра заговорили еще в январе. Уже тогда просочившаяся в печать информация грозила грядущими скандалами. Но акт проверки достойным общественности ни тогда, ни сегодня не стал. Этот секретный документ будоражил умы всех пишущих о Большом театре, заставляя строить предположения, что же за финансовые махинации происходят за кулисами театра и чьи головы полетят, когда тайное станет явным.

Но головы все не летели. По крайней мере Владимир Коконин на директорском месте усидел, сменив титул с «генерального» на «исполнительного». Да и тайное не спешило проявиться. В Контрольно-бюджетном комитете Думы (именно его комиссия и занималась проверкой) сперва говорили, что документ направлен на доработку; после возражений В. Коконина членам комиссии пришлось многое перепроверить, чтобы снова убедиться в своей правоте. А потом вдруг оказалось, что комитет реорганизован в Счетную палату и работа комиссий как бы уже дело прошлое.

Любовь Рожкова, председатель думского Комитета по образованию, науке и культуре (ее коллеги тоже участвовали в проверке), полу-

чив таинственный отчет, упорно молчала и разводила руками: «Вы же видите, какой вокруг театра ажиотаж, это только подольет масла в огонь». Атмосфера в Большом что-то никак не разряжалась, а документ тем не менее упорно продолжал кочевать по сейфам.

Так или иначе, но акт проверки в редакцию «Российской газеты» все-таки попал. И оказалось, что ситуация в нашем главном храме муз более чем пикантна.

Если закрыть глаза на щедро рассыпанные по двадцати страницам «нарушалось», «не соблюдалось», «недостаточно уделялось внимания», то выясняется, что по сути самым тяжелым проступком администрации Большого была... чрезмерная доброта по отношению к артистам театра.

Дело в том, что в течение двух лет почти вся валютная выручка от зарубежных гастролей шла на выплату гонорара выезжавшим за границу артистам. А до января прошлого года с них даже подоходный налог не удерживался.

Да, президентский Указ от 19 сентября 1982 года освободил Большой от обязательной для других российских организаций продажи пятидесяти процентов валовых через специальные банки. Но только при условии, что эти же пятьдесят процентов должны идти на укрепление материально-технической базы театра.

А это значит, что за два года театр мог бы получить на ремонт, новое строительство больше четырех миллиардов (это больше расходов по статье «Материальные и приравненные к ним затраты», определенные в бюджете театра за 1983—

1984-й). Не получил. Зато артисты могли жить поприличней.

Но в этом-то пикантность ситуации и заключается. Расплачиваться за популизм руководства придется... самим артистам. И, видимо, за счет будущих гонораров.

Все это было бы цветочками. Но после мартовского кризиса, который начался с ухода главного балетмейстера Юрия Григоровича, а закончится не раньше, чем суд вынесет решение о забастовке артистов и карательных санкциях руководства театра, минувшие события в Большом видятся теперь в новом свете.

Складывается впечатление, что столь трогательную заботу о мастерах сцены администрация проявляла исключительно из желания отложить до лучших времен разговоры о переходе на контрактную систему оплаты, о которой артисты давно уже говорили на повышенных тонах. И продолжаться это могло сколько угодно долго, если бы, как говорится, не «застукали».

Объявления в профкоме провисели недолго — расстущее недовольство артистов заставило дирекцию убрать списки миллионных задолженностей. Но проблема осталась. И первого июня для Большого театра наступает «час икс». В этот день акт проверки предписывает отчитаться перед руководством Счетной палаты и Комитета по образованию, науке и культуре Думы об устранении отмеченных нарушений.

В. Коконин под документом подписался — значит, ошибки признает и обязуется исправить. Объявления о сборе недоимок — тому свидетельство. Что же еще должна сделать администрация? А вот что:

— отозвать из «Элбимбанка» 1 миллиард рублей, вложенных Большим театром в январе — феврале 1984 года на депозит сроком на два года с начислением

не более 20 процентов годовых (правда, непонятно, почему миллиард, если год назад театр вкладывал миллион долларов);

— потребовать наконец дивиденды и арендную плату от всех восьми коммерческих организаций, которые размещаются на территории театра, но за два года почему-то не заплатили Большому ни рубля;

— разобраться со всем финансовым хозяйством, которое комиссия нашла в крайне запущенном состоянии. Взять хотя бы заявку на финансирование из бюджета — никаких расчетов будущих расходов в театре в последнее время не производили и бюджетную заявку брали, похоже, с потолка.

При этом никто уже и не спрашивает, почему это живущий только на госдотации и гонорары театр берет в мае 1983 года миллион рублей и направляет их на ремонт... фонтанов в городе А.напа (!!). Какие мелочи, право.

Или почему шесть автомобилей, приобретенных театром в прошлом году, так до самой проверки и не были поставлены на баланс Большого?

Почему из театральной кассы должны оплачиваться выезды за границу журналистов, пишущих о Большом? Ну, на этот вопрос дирекция ответила сама, сократив полтора месяца назад пресс-службу театра. Очень практичный шаг: к чему держать в штате журналистов, если от них совершенно не зависит, появится ли нужный (не дирекции — театру) материал в газете или на ТВ?

Зато для посторонних работников пера такса известна: две поездки за рубеж и «позитивный» материал в престижном издании. Об этом, правда, акт проверки умолчал, зато были названы имена трех журналистов (на самом деле их было

много больше), выдававших полуторамесячные туры по

Австралии в сентябре — октябре прошлого года вышло убыточным? Театр потерял 17 миллионов. Подумаешь! Не для себя ведь стараются люди — наше искусство пропагандируют.

Наконец, бесчетные «проколы» с оформлением материальной ответственности, отсутствие в смете расходов графы командировок и расходование на них двух с половиной миллиардов только за прошлый год.

А взять хотя бы из рук вон плохо проводившийся учет художественных ценностей, которых в музее Большого театра собраны почти 81 тысяча.

Странно, что после такой финансовой вакханалии руководством Большого театра даже не пожурили. Не хочется поминать старое, но бессменный последние восемь лет директор В. Коконин должен согласиться, что раньше простым выговором он не отделился бы. Ну, не директор, так уж юридическая служба точно должна была бы «загнать».

Очень не хотелось бы в очередной раз быть зачисленными в стан противников нынешнего руководства театра. И ведь дело в данном случае не в том, что и как нарушали директор со товарищи. Тем более, мы обязаны уважать мнение Владимира Васильева, выразившего Владимиру Коконину доверие.

Дело в другом. И в других людях. Тех, кто скрывает от общества правду о том, что же происходит в Большом. Чем меньше мы с вами будем знать о реальных событиях в театре, тем больше вероятность поддаться соблазну представить свалившиеся на него несчастья как конфликт директора-бюрократов и утонченных артистических натур.

Владимир ГРОМОВ.

Рос. газета. — 1995. — 17 июля. — С. 8.